

здесь” (физически), и, с другой, „Я” одновременно нахожусь там, в воображаемой деревне, в прошлом”. Из примера следует, что здесь не столь значима категория лица. Можно сказать: „Он вспоминает..”, „Ты вспоминаешь...” и др. Суть в другом — лингвистическое пространственно-временное состояние характеризуется смысловой двуплановостью. О распространенности этого феномена свидетельствует достаточно популярный у журналистов стилистический прием смещения временной перспективы. Описывая, например, чей-либо героический поступок автор перемежает хронологию изложения „полудомыслами” типа: „Позже он скажет: „Я совершенно не волновался...”. Здесь мы имеем дело с формальной направленностью предикации на будущее. Однако тут же следует и обращение к „ментальному пространству”, выражаемое сочетанием глаголов в будущем и прошедшем времени.

Думается, что акцент авторов на семантическом содержании лингвистического пространственно-временного состояния относительно прошлого опыта субъекта требует пристального анализа и, возможно, определенного уточнения (либо развития этого постулата). Это уточнение возможно в рамках специального исследования.

Литература

1. Микоян А.С. Нарушение объективных свойств пространства и времени как литературно-художественный прием // Категоризация мира: пространство и время / Материалы научной конференции.— М.: МГУ, 1997.— С.190-193.
2. Прохоров В.Ф., Прохорова Т.Н. К вопросу о пространственно-временном лингвистическом состоянии // Категоризация мира: пространство и время / Материалы научной конференции.— М.: МГУ, 1997.— С.156-157
3. Силин В.Л. Лексический эллипс в германских языках.— К.: Вища школа, 1974.— 186 с.
4. Хомякова Е.Г. Антропоцентризм пространственно-временных параметров // Категоризация мира: пространство и время / Материалы научной конференции.— М.: МГУ, 1997.— С.74-75.

А.А.ПАВЛОВА
г.Белгород

„ЗНАТЬ” И „ПОМНИТЬ” В НАРРАТИВЕ ИСТОРИИ СЕМЬИ

Одной из отличительных особенностей нарратива родословных является ключевая роль концепта „память” и соответственно относительно высокая частота (или, скорее, регулярность) употребления глагола „помнить”, а также его производных „вспоминать”, „помниться” и т.д. При составлении наивной модели памяти на материале родословных нами были выявлены такие синонимы лексемы „помнить”, как „знать”, „думать” и „видеть”. Два последних глагола, однако, являются типичными контекстуальными синонимами, в то время как глагол „знать” в качестве синонима глагола „помнить” вызывает особый интерес, поскольку обусловлен

самим жанром семейных родословных.

В психологии связь между знанием и памятью считается достаточно доказанной, более того, существует мнение, что не следует разделять „психические факты памяти и знания” [Емельянова, 2002]. В лингвистике также существует выдвинутая А. Вежбицкой концепция, согласно которой весь реестр глаголов памяти может быть описан посредством семантического примитива „ЗНАТЬ”, однако по мнению М. А. Дмитривской, данное утверждение невозможно подтвердить на примерах из художественной литературы [Дмитровская, 1991].

Нашей задачей стало изучение связи между глаголами „знать” и „помнить” на материале нарратива истории семьи.

Прежде всего, следует обратиться к этимологии данных лексем. Глагол „знать” в европейских языках произошел от греческого слова *гнозис*, которое использовалось для обозначения высшего знания, получаемого „как бы минуя конкретные органы чувств” [Степанов, 2001]. В русском языке помимо собственно глагола „знать” долгое время сохранялся глагол „ведать”, восходящий к корням *-вед-*, *-вид-* и связанный с глаголом «слышать, слышати». Таким образом, в отличие от западных языков, где для слова „знать” ядерной семой является „узнавать минуя все органы чувств”, в русском языке глаголу „знать” соответствуют две основные семы — собственно „знать” и „знать по рассказам” — „ведать” [Степанов, 2001]. В нарративе истории семьи доминирует, без сомнения, второе значение.

Согласно словарю русского языка М. Фасмера, в русском языке слова „память”, „помнить” и „мнить”, „мнение” являются родственными. Устаревшее слово „помнить” (с ударением на последнем слоге) значило „подумать, представить себе в мыслях”. Также слово „память” родственно словам *mintis* (др.-лит.) „мысль, суждение”, *matīs* (др.-инд.) „мысль, намерение, мнение», *maiti* (авест.) „мысль, мнение”, *mens* (лат.) „ум, размышление, разум”. По утверждению П. Флоренского, корень слова „память” *-mī-* в индоевропейских языках означал „мысль во всей широте понимания этого слова” [Дмитровская, 1991]. Таким образом, глаголы „знать” и „помнить” связаны уже тем, что имеют отношение и к восприятию, и к мыслительной деятельности.

Сравним словарные значения данных лексем. Согласно словарю В. И. Даля, глагол „знать” означает „ведать, разуметь, уметь, твердо помнить, быть знакомым”. Сематами, составляющими значение глагола „помнить” (по В. И. Далю и С. И. Ожегову) являются „сохранять впечатление, опыт, удерживать в памяти”, „память” — „свойство души хранить, помнить сознание о былом”.

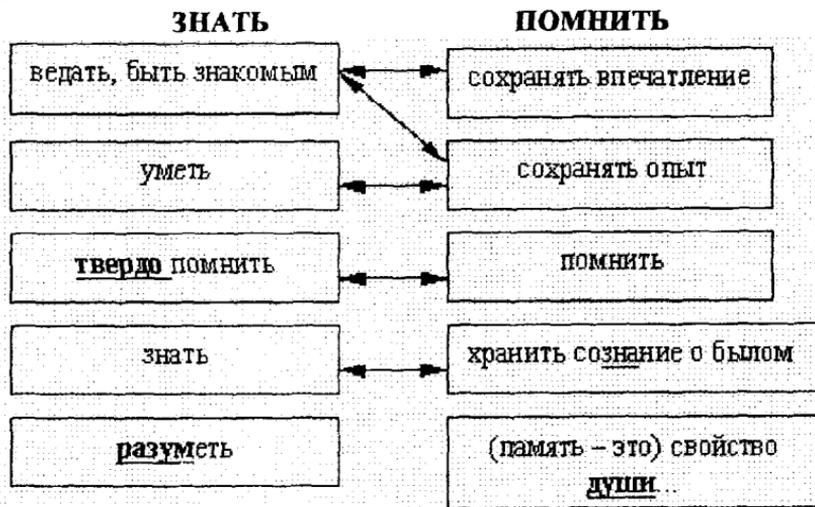
Между данными сематами мы можем установить следующую корреляцию: „ведать” и „быть знакомым” можно соотнести с „сохранять впечатление, опыт”; „уметь” — с „сохранять опыт”; „твердо помнить” отли-

ется от „помнить” лишь степенью прочности знания; „хранить сознание о былом” может быть сопоставлено с самим глаголом „знать” по наличию корня *-зна-*. Наглядно данная корреляция может быть представлена в схеме следующей на следующей странице.

Таким образом, между словарными значениями данных глаголов существуют следующие отличия:

- в степени прочности знания („твердо”);
- в месте хранения информации (*разум* — *душа*).

Обратимся теперь к текстам родословных и установив, какие существуют в них различия между семантикой глаголов „знать” и „помнить”. Сравним:

Мы должны знать свои корни, знать своих предков... (1)

Нам всегда надо помнить их... (2)

В прошлом году он [дед] рассказал историю, которая мне просто запала в душу... (3)

...память о нем навсегда останется в моих мыслях и моем сердце... (4)

Этот забавный случай я хорошо запомнил из рассказов родственников (5)

Своих прабабушек и прадедушек по маминной линии я помню плохо, а прапрадедушек папиного отца и вовсе не знаю (6)

На основе подобных примеров (а они многочисленны) можно сделать следующие выводы:

- в нарративе истории семьи глаголы „знать” и „помнить” могут использоваться как синонимы (первый и второй примеры);
- нивелируется различие, связанное с местом хранения информации: в третьем примере „рассказал”, что соответствует глаголу „ведать”;

„знать”, в противоположность словарному значению соотносится с *душой*, а в четвертом предложении „память” („свойство души”) сочетается с *мыслями*.

• **высокая степень прочности знаний** в нарративе родословных перестает быть прерогативой глагола „знать” и становится факультативной семой также глагола „помнить” (пятый и шестой примеры).

Нивелирование данных различий, однако, вовсе не означает, что в нарративе истории семьи глаголы „знать” и „помнить” всегда выступают в качестве синонимов. В действительности рассказчики предпочитают разводить данные глаголы по наличию или отсутствию семы „личного опыта”. Глагол „знать” в родословных этой семой не обладает и в большинстве случаев используется в значении „ведать”, то есть, „знать по рассказам”:

Я знаю о них из рассказов мамы (7).

От ее сестры я узнала (8).

Я смогла узнать родословную моей семьи только от бабушки (9).

Глагол „помнить” рассказчики почти всегда вводят в свое повествование в значениях „сохранять впечатление, опыт, хранить сознание о былом”, что предполагает наличие семы *личного опыта*:

Дедушка часто вспоминает раненого доктора (10).

Я помню, как часто я с ними встречался (11).

Я помню деда неразговорчивым (12).

Я как сейчас помню ее голубые, почти слепые, но невероятно добрые глаза (13).

Он готовил, помнится, лучше бабушки (14).

Я помню ее улыбающейся и смеющейся (15).

Примечателен тот факт, что сами рассказчики ценят информацию, полученную через личный опыт (воспоминания) выше, нежели ту, которую извлекли из рассказов (знания). Такой вывод можно сделать на основе следующего наблюдения: „знаемые” факты излагаются обычно весьма сдержанно, скупо, подчас схематично (родился, учился, работал, женился, воспитывал детей, умер), в то время как „помнимые” события и факты передаются подробно, с большим количеством деталей. Рассказчик старается передать свои воспоминания до мелочей (примеры 12, 13, 14, 15).

Очевидно, именно это свойство нарратива истории семьи и позволяет хранить достаточно большой объем информации и передавать ее потомкам. Каждое следующее поколение рассказывает о своих личных впечатлениях подробно и ярко, что обеспечивает запоминание данной информации; в то же время повествование о далеких предках сокращается до схем. Подобная компрессия вовсе не является признаком неуважения к предкам, напротив, она важна, поскольку в противном случае наши знания и воспоминания об истории семьи приобретали бы все большие размеры, что затруднило бы их передачу.

Таким образом, проявляющееся и на лингвистическом уровне раз-

чение элементов памяти и знания по принципу наличия/отсутствия
ного опыта позволяет хранить и передавать информацию об истории
мьи, не допуская ее когнитивной перегруженности.

Литература

Дмитровская М.А. Философия памяти // Логический анализ языка. Культурные
концепты. — М., 1991. — С. 78-85.

Емельянова Т.П. Социальное представление как инструмент коллективной памя-
ти (на примере воспоминаний о Великой Отечественной войне) // Психологиче-
ский журнал. — 2002. — т. 23. — № 4. — С. 49-59.

Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. — М., 2001. — 990с.

Л.И. ПЛОТНИКОВА

г. Белгород

НОВОЕ СЛОВО В КОГНИТИВНО-ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

Изучение и описание новых слов в рамках когнитивной ономасио-
логии позволяет, на наш взгляд, определить, как формируются новые
структуры представления знаний, какие когнитивные факторы влияют на
создание новой единицы. В этом плане важной представляется мысль
Н.Н. Болдырева о том, что „современный человек не отражает мир вне
языка. Если исследователь занимается проблемами коммуникации, ком-
муникативными актами, процессами порождения речи, процессами вос-
приятия речи, он все равно должен помнить, что он имеет дело со струк-
турами знания. При этом большинство, самые важные структуры знания
объективированы и сохранены в языковой форме...”.

Данный подход, на наш взгляд, является наиболее приемлемым для
исследования особенностей словопроизводственного процесса новообра-
зований, так как он способствует, с одной стороны, анализу нового слова
в определенном речевом акте, а с другой стороны, позволяет определить
структуры знаний, репрезентированных на языковом уровне.

Структуры знаний разнообразны. Наряду с более простыми поня-
тиями, к которым относят концепты, выделяют и более сложные структу-
ры: пропозиции, сценарии, фреймы и др. Задача состоит в том, чтобы
проникнуть в такие структуры и определить зависимость между ними и
языковыми формами.

В соответствии с концепцией порождения речи Н.И. Жинкина, базо-
вым компонентом мышления является универсальный предметный код. В
УПК человек оперирует так называемыми личностными концептами. В
ходе мышления они могут соединяться, при этом создаются целые кон-
цептуальные комплексы, которые не всегда объективируются в языковых
формах. Если же в отдельном коммуникативном акте возникает необхо-